

А. В. Шевцов, Московский авиационный институт (НИУ)

МОСКОВСКАЯ ФИЛОСОФСКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА. ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ МАТЕМАТИКИ. Н. Е. ЖУКОВСКИЙ НА I КОНГРЕССЕ МАТЕМАТИКОВ В ЦЮРИХЕ В 1897 Г.

До сих пор еще остается совершенно неисследованной и недооцененной роль ученых группы Московской философско-математической школы в вопросе формирования логических учений в России и в СССР в конце XIX и в первой половине XX века. Начиная с конца 30-х годов XX века, если и именовалась эта школа, то уже только как Московская математическая школа. Школа представляла собой группу философствующих математиков, стремившихся осуществить «философско-математический синтез» на основе идей аритмологии и прочтения монадологии Лейбница. На этом основании участники видели некое единство оснований материи и духа – это было выражением и желанием построить или наметить к построению некую теорию *Всего*.

Отцом-основателем МФМШ принято называть Николая Васильевича Бугаева, первые статьи которого вышли в 1862, 1868 гг. Н. В. Бугаеву принадлежат разработки по теории аритмологии. Аритмология в узком смысле слова – это теория разрывных функций, в широком смысле – это идея прерывности, пронизывающая все мироздание по взглядам участников школы. Такой взгляд должен прийти на смену аналитическим мировоззрениям разного рода, в основе которых лежит идея непрерывности. Впервые этот термин, аритмология, в таком его понимании появился у Н. В. Бугаева в его статье «Математика и научно-философское мирозерцание»[1, С. 699]. Т. е., на смену господства математического анализа приходит господство «дискретной математики»: теории чисел, теории множеств, теории вероятностей, математической статистики, логистики и т. п. надо сказать, что это была, пожалуй, генеральная тенденция характерная для того времени. Истории становления идей Московской философско-математической школы посвящена и великолепная монография Сергея Михайловича Половинкина[5].

Общим для участников школы было убеждение, что поискам цельного мировоззрения может помочь наука, ориентированная на математику. Так, Павел Алексеевич Некрасов писал, что «логос союза основателей» подобен гению Декарта, который «геометрическим методом» отверг и спутанность средневековой схоластики, и диалектико-эмпирический логос Бэкона[2, С. 10]. Поэтому именно математика должна стать основой синтеза всех наук, а чистое математическое познание нужно причислить к «...весьма ценным, но односторонним простым элементам познания, требующим синтеза с прочими внутренними и внешними элементами познания»[2, С. 10, 11]. В другой своей статье Некрасов писал о необходимости существования такой системы социальных мер и учреждений, которая бы создавала «массовый положительно организованный антроподинамический поток жизнедеятельности» как «опору суверенной власти», при этом во главе этой системы, по его мысли, должны стоять «Государство, Церковь и Академия»[3, С. 463-604]. Аритмология должна была вторгаться во все стороны жизни и преобразовывать их. Таким образом, согласно этой доктрине, жизнь социальных организмов должна была стать некоей «психоаритмомеханикой». Отсюда, «мораль-арифметик и психоаритмомеханик», опираясь на теорию вероятностей и статистику, были бы способны преобразовать общество. Так техника государственного управления превращается в «инженерное искусство» «социал-инженеров»[2, С. 33, 100]. Таким образом, Московская философско-математическая школа, ее учение, было реакцией на обезличивающие и обезбоживающие теории эволюции и прогресса, столь характерные для XIX в. В этом

смысле труда и деятельность Школы была разновидностью русского персонализма, в рамках которого строили всеохватную иерархию монад, восходящую к Богу.

В конце XX в. к идеям школы Н. В. Бугаева снова стал проявляться интерес. Это было связано с тем, что многие идеи этой школы, как только теперь становится понятным, получили дальнейшее развитие, а представители этой школы были одними из родоначальников системного подхода в естественных науках, т. е. тем, что стало именоваться общей теорией систем. Таким образом, надо подразделять в существовании школы как минимум два этапа. На первом начальном ее этапе – это Н. В. Бугаев, П. А. Некрасов, В. Я. Цингер. На втором этапе, который был связан уже с деятельностью Н. Н. Лузина и его учеников, т. е. с т. н. «Лузитанией», а также этот период был связан с именами Н. Е. Жуковского, отца аэродинамики, основателя ЦАГИ, и Д. Ф. Егорова. Н. Е. Жуковский возглавлял Московскую философско-математическую школу, или Математическое общество с 1905-1921 гг. Обществом издавался журнал – Математический сборник. Павел Алексеевич Некрасов, пятый председатель Общества, прямо называл общество – Московской философско-математической школой[2, С. 3-249].

В конце XIX в. не только в России, но и в мире вообще наблюдается расцвет в философских науках, как в логике, так и в математике. Поэтому для развития логики, и для логиков, большое значение приобретает проведение международных конгрессов по философии и по математике. Первые конгрессы готовились в самом конце XIX в. и их проведение, безусловно, послужило стимулом к эффективному, в этом смысле, продуктивному, т. е. позитивному развитию наук. Так, уже в 1893 г. состоялся конгресс по математике в Чикаго. И как отмечали Н. Х. Орлова и С. В. Соловьев, уже в материалах этого конгресса была опубликована статья математика из Казани И. М. Первушина (1827-1900)[4, С. 137]. Конгресс в Чикаго предшествовал проведению, собственно, первого международного конгресса математиков, который состоялся в Цюрихе в августе 1897 г. Материалы выступлений ученых участников этого конгресса были опубликованы в следующем, в 1898 году. Среди участников этого конгресса были 12 человек из России. Это и А. А. Марков (1856-1922), и что примечательно, глава Московской философско-математической школы Н. В. Бугаев, а доклад И. М. Первушина зачитал А. В. Васильев, профессор математики из Казани, отец логика Н. А. Васильева. На этом конгрессе в Цюрихе принял участие и выступил с докладом и будущий президент Мфмш с 1904 по 1921 гг., известный вскоре ученый, инженер, «отец русской авиации» Николай Егорович Жуковский (1847-1921)[8, S. 146]. В работе конгресса принимали участие также такие крупные математики, как Феликс Клейн, Дж. Пеано, Анри Пуанкаре, Бурали-Форти и ряд других. Доклады были на немецком и французском языках. Так, доклад Н. В. Бугаева был на французском и назывался «Математика и концепция Вселенной с точки зрения научной философии»[6, S. 206]. Доклад Н. Е. Жуковского был на немецком языке, он проходил по секции №4 «Механика и математическая физика» Конгресса и был посвящен теории гироскопа и назывался «Новое устройство гироскопа»[7, S. 272-273].

Литература

1. Бугаев Н. В. *Математика и научно-философское мирозерцание* // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. 45.
2. Некрасов П. А. *Московская философско-математическая школа и ее основатели* // Математический сборник: журнал. – М., 1904. – Т. 25, №1.
3. Некрасов П. А. *Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности* // Математический сборник. М., 1902. Т. XXII.

4. Орлова Н. Х., Соловьев С. В. *Из истории логики в дореволюционной России: стратегии академического взаимодействия* // Логические исследования / Научно-теоретический журнал. 2016. Том 22. №2.
5. Половинкин С. М. *Московская философско-математическая школа* // Общественные науки в СССР. Серия 3. Философия. М., 1991.
6. Bougaïev N. *Les mathématiques et la conception du monde au point de vue de la philosophie scientifique* // Verhandlungen... 1898.
7. Joukowsky N. *Ein neuer gyroskopischer Apparat* // Verhandlungen der ersten internationalen Mathematiker-Kongresses in Zürich vom 9 bis 11. August 1897 / Herausgegeben von Dr. Ferdinand Rudio, professor am eidgenössischen Polytechnikum. Leipzig: Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1898.
8. *Verhandlungen der ersten internationalen Mathematiker-Kongresses in Zürich vom 9 bis 11. August 1897* / Herausgegeben von Dr. Ferdinand Rudio, professor am eidgenössischen Polytechnikum. Leipzig: Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1898. 320 pp.